

Саймон Саффорд с грустью смотрел в иллюминатор на тающий в сизой утренней дымке аэропорт Нарита в Токио. Впереди остался последний перелёт – через огромный гористый континент.

Он возвращался домой. И впереди его ждала неизвестность. В начале этого длинного путешествия он старался не думать о том, что ждёт в конце. Но где-то между Лагосом и Найроби мысль о неминуемом, которую он утопил на дне океана впечатлений, больно кольнула его. Он вздрогнул, но не стал её прогонять. Она исчезла сама в бешеном калейдоскопе африканских красок, растворилась в ритме тимпанов и охотничьих дудок. Она всплывала и в Стамбуле, и в Багдаде, и в Мумбаи, и на Суматре.

Тяжёлое восхождение на вулкан Руапеху загнало было эту мысль на задворки сознания, но в монастыре Джоканг она явилась к нему с невообразимой ясностью и уже не покидала, придавая остроту всем пяти чувствам. Ноздри вдыхали причудливые и такие разные ароматы – и каждому, даже самому неприятному, он был рад. Саймон запускал руку в мешок с рисом и пропускал его между пальцами, наслаждаясь давно забытым шорохом и скольжением каждого зёрнышка. Он пробовал самую диковинную пищу и порой заставлял разум молчать, устраивая шок вкусовым рецепторам языка, когда приходилось есть жуков, гусениц и червей. Впрочем, временами он давал и пиры, заказывая самые дорогие блюда и вина в роскошных ресторанах. Но самым важным было зрение – наконец-то Саймон своими собственными, а не чужими глазами, видел этот огромный, бесконечный мир во всей его красоте, яркости и многообразии, и хотел запомнить каждый штрих, отблеск, чёрточку, мазок – запомнить фотографически точно, впечатать в память каждую деталь.

Он не брал с собой фотоаппарат и не покупал сувениры. Все эти сокровища, которыми люди наполняют семейные альбомы и украшают свои дома, эти маленькие свидетели счастья, молодости, свободы, он сохранит в сердце. Ведь в конечной точке его путешествия ему не нужен будет багаж.

Два года назад Саймону Саффорду, ещё крепкому и сильному мужчине, поставили страшный диагноз. Рак. Хотел и не в терминальной стадии, но уже совершенно неоперабельной. Новость эта обрушилась лавиной и утащила его на дно бездны, где он, корчась от страха, пролежал три месяца, обдумывая возможность самоубийства или эвтаназии. Несмотря на то, что он чувствовал себя вполне сносно, врачи дали ему максимум два года жизни, и он проклял всё, что можно проклясть, за совершенную над ним несправедливость. Он жил не лучше и не хуже других. Давным-давно он, как и многие, приехал сюда, оставив за спиной не только груз нерешённых дома проблем, но и само понятие дома, рода, оставил где-то в прошлом даже своё имя. Новая страна дала ему возможность встать на ноги – и он чтит её закон, и принципы, хотел раствориться в ней без остатка. А потому уже много лет называл себя Саймоном Саффордом, определившись как человек без корней, начав жизнь с чистого

Элла ГОР

ВПЕРЕДИ ТЫСЯЧА ДОРОГ

листа. Жил мирно, много работал, злодеяний не совершал, старался поменьше лгать, однажды даже был женат, но детей не нашёл. Ни перед кем не чувствовал вины и долгов не имел. Потому, когда обрушилась болезнь, вопрос «за что мне сие?», возникающий у любого в такой ситуации, душил и терзал его три месяца, не давая увидеть хоть какую-то иную возможность, кроме как лежать раздавленным на острых камнях отчаяния.

И вот однажды в тёмном ущелье своего одиночества, он почувствовал, как с его сердца, словно в детской сказке, один за другим упали три железных обруча – повседневность, обязательство и заведённый порядок вещей. А вслед за этим пришло странное, дотоле неведомое чувство, которое он в удивлении назвал... свободой. Да, той самой, за которой он когда-то сюда приехал, но боялся признаться, что давным-давно попал в западню бесконечных «крысиных бегов» в погоне за принятым тут глянцевым благоденствием. Да, это чувство было оттенено страшной чёрной тенью надвигающейся смерти, но, возможно, именно благодаря этому, оно и было столь ошеломительным. Что, какой долг, какие условности могут теперь заставить его делать что-то против своей воли? Какой кары и чьего мнения ему теперь бояться? Вся жизнь казалась теперь растроченной на второстепенное, разменянной на пустяки, построенной на принуждении, самообмане и фальши.

Но впереди у него были два года. Целых два года. Чёрт возьми, если бы люди знали день своей смерти, они были бы, пожалуй, куда счастливее, зная цену каждой минуте. Memento mori, помни о смерти – помни, что ты живой и живи, чёрт побери. Живи! Жаль, что эту простую истину он постиг лишь на краю бездны.

Но всё же у него было два

года. И Саймон Саффорд не желал тратить их на то, чтобы, скуля, гнить на дне ущелья. Перед ним открывалось множество путей, как использовать это сокровище. Например, он мог напоследок закрутить умопомрачительный роман с какой-нибудь знойной красоткой. Но освобождённое сердце с усмешкой шепнуло ему, что настоящую любовь нельзя запланировать, получить только потому, что так решил или захотел, а трата времени на продажную будет так же бездарна, как и вся его прежняя глупая жизнь. Он мог стать добрым ангелом, волшебником и совершить много маленьких чудес для других. Но то же беспощадное сердце тут же, не чинясь, сказало ему, что это ложь, лицемерие, а истина будет заключаться лишь в трусливой надежде на милость небес. Можно было пойти по противоположному пути – устроить бунт, выпустив из бутылки всех давным-давно запертых там джиннов. Но джиннов этих было не так чтобы очень много, да и те с годами ослабели, остепенелись, иные выдохлись в долгой неволе. Итак, ни настоящим подвижником, ни настоящим преступником он быть не мог.

Ни один из этих путей не казался ему достойным того, чтобы посвятить им последние два года жизни. Метроном щёлкал, песок убежал. Но чувство свободы никуда не уходило. Более того, не скованное больше обручами, оно с каждым днём крепло, всё сильнее рвалось на волю, в бескрайний мир, который всегда так манил его. Мир, который и был мечтой, неизменно ограничивавшейся двумя куцыми неделями отдыха на раскалённом круизном лайнере с бассейном и коктейлями да яркими, но чужими фотографиями на страницах National Geographic.

Решение было принято вмиг. Единственно верное, ясное и бескомпромиссное. Он продал дом с четырьмя спальнями, ак-

ции и паи в инвестиционных фондах, продал партнеру долю в совместном небольшом, но надёжном бизнесе, который они прикупили на пенсию. С огромной скидкой распродал весь антиквариат, который стал увлекаться, как многие здесь, не имеющие корней. Самым трудным было заключение контракта с госпиталем и хосписом в конечном пункте его путешествия, в котором проговоривалось всё до мелочей – отдельная палата, лечение, обезболивающие, содержание, питание, уход. И, конечно, место упокоения. Нашёл и забронировал для последних недель лучшие апартаменты с видом на Каспий. Испив сию чашу и закрыв до поры наглухо эту дверь, Саймон Саффорд отправился в крупнейшее турагентство и сделал самый необычный за всё время их существования заказ – кругосветное путешествие, которое можно совершить за двадцать месяцев. На эту затею и уходил весь оставшийся и очень немаленький капитал. Всё, о чём он грешил ребёнком – дальние страны, загадочные острова, императорская Латинская Америка, необузданная Африка, изящный Восток, таинственная Полинезия, девственная Австралия и даже Антарктида. Охота, рыбалка, сафари, лучшие гиды, самые интересные экскурсии по всем знаменитым местам, пятизвёздочные отели, самые современные автомобили. И перелёты только первым классом.

Он улетел в Перу, не дождавшись полностью проработанного тура, но специально выделенный для него агент готовил и продумывал вояж, покупал и менял билеты, бронировал отели и автомобили, присылал ему отчёты, настигая его всюду, куда дотягивались связь по телефону и Интернет, терпеливо подстраиваясь под его желания и внезапно перемены планов. С этим клиентом всё было возможно. Он мог остаться на лишнюю неделю в каком-

нибудь забытом селении в верховьях Амазонки, а мог пропустить целую страну, посчитав её неинтересной. Единственное, что было неизменно – это дата и место прибытия его в конечный пункт назначения. Погулять – чужая страна, умирать – родная. И вот последний перелёт. Конечная точка. Баку.

Саймон Саффорд... нет-нет... Салман Сафаров – человек, вспомнивший своё когда-то отвергнутое имя, обветренный, загорелый, с последней сотней в кармане, вобравший в себя и оставивший за порогом огромный мир, сам наполнивший и сам же испивший до дна чашу желаний, теперь готов был каплю за каплей испытать и эту последнюю, горькую, чашу.

Две недели спустя, пройдя клинический мониторинг своего состояния, он был приглашён в кабинет к главному врачу. Ну, вот и все... Салман долго собирался с духом перед внушительной резной дверью. За ней начиналась его финишная дорожка, уходящая во мрак. И сейчас он должен был узнать, насколько она коротка. Он положил ладонь на холодную металлическую ручку, повернул её и вошёл.

Через час дверь вновь открылась. Салман вышел на негнущихся ногах с ворохом каких-то медицинских бумаг. Он стоял растерянный, с пересохшими губами посреди длинного сумрачного коридора, и ему не хватало воздуха. Быстрой, быстрой наружу. Роняя старые и новые листы, он шагнул в сторону лестницы. шаг, ещё шаг, быстрее... Салман бежал по ступеням, глядя на свои ботинки. Какие они слабые и удобные, как ладно сидят на его ступнях, какое это упоение – перепрыгивать через ступеньки, ощущая твёрдую надёжную невесомость бетона.

Раз-два-три... – Обследование не выявило патологии! Раз-два-три... – Диагноз не подтвердился! Раз-два-три... – Вы абсолютно здоровы! Раз-два-три... – В медицине подобное случается! Раз-два-три... – Врачебная ошибка! Раз-два-три... – Мы очень рады!

Пересчитав последние ступеньки, Салман выбежал на улицу и зажмурился от солнца. С моря дул знакомый с детства гилавар, шелестела листва, шли люди, проносились машины... Он стоял посреди кипящего жизнью города с закрытыми глазами, и через веки пробивалось весеннее бакинское солнце...

Откуда-то запахло вкусным горячим хлебом... Салман всеми лёгкими втянул в себя этот чудесный аромат своего счастливого детства. На углу в небольшом саду была чайхана с уже открытой верандой. Он заказал чай и лепешки из тандира, потом кутабы, пахлаву, ногул, ещё и ещё что-то сладкое, с упоением вспоминая давно забытые названия. Салман видел, как мимо проходили такие же, как он, люди. Слышал, и легко понимал их речь, с наслаждением смакуя, повторял отвыкшими губами знакомые с детства слова. И он любил этих людей. Любил этот город, эту землю. Волны счастья и горячей благодарности разливались по его телу. Он был жив, по-настоящему свободен и впереди у него вновь был огромный мир в тысячу дорог. Нет, не умирать вернувшись Салман на Родину. Он приехал в Баку, чтобы жить... И впервые решил всякий раз возвращаться только домой!